

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ КАТЕГОРИИ СВОБОДЫ В ЛИТЕРАТУРНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ З. Н. ГИППИУС 1924–1938 ГГ.

THE TRANSFORMATION OF AN EXISTENTIAL KIND OF FREEDOM IN LITERARY AND POLITICAL JOURNALISM, Z. N. GIPPIUS 1924–1938 GG.

D. Kostenko

Summary. The creativity of writers and publicists belonging to the first migratory Russian wave is still a phenomenon that has not been sufficiently studied in the Russian literary sphere. One of the most brilliant representatives figures of the Russian diaspora was the poet, novelist, memoirist, literary critic and public figure — Zinaida Nikolaevna Gippius. Her literary and political journalism style, as well as her critical articles are of great interest to philologists, historians, linguists and philosophers.

Since her attention is focused on acute social issues, the texts chosen for analysis allow us to significantly expand our understanding on the two Russian migratory generations and its world value through its relevant period. The understanding of problems with civil responsibility, creativity and one's own role on the "canvas era" is inextricably linked with the issue of freedom in various contexts. The study of this subject is of literary, philosophical and general interest.

Keywords: White Russian emigration, Zinaida Gippius, idea of freedom, the first migratory Russian wave.

Свободу и саму идею свободы, а также степень воплощения этой идеи можно назвать центральной темой философии 21 века. Категории свободы также разнообразны: свобода слова, свобода общества, внутренняя свобода индивида, границы свободы. Также сама свобода выступает одной из категорий в экзистенциализме. Несмотря на популярность данной темы, единого мнения среди ученых-философов хотя бы по одной из этих категорий нет и, мы полагаем, быть не может. Например, существует понятие о свободе как абсолюте и, в то же самое время, ведутся бесконечные рассуждения о «степени свободы».

Обозначив индивидуальные особенности личности самой З. Гиппиус, можно получить ответ на вопрос: какой предстает свобода для радикально настроенного представителя Русского зарубежья, и как эта категория

Костенко Диана Евгеньевна
Соискатель, Северо-Кавказский федеральный
университет (г. Ставрополь)
gurmandiza@mail.ru

Аннотация. Творчество литераторов и публицистов первой волны русской эмиграции по-прежнему представляет собой недостаточно изученное в отечественном литературоведении явление. Одна из ярчайших представитель Русского зарубежья того времени — поэт, прозаик, мемуарист, литературный критик и общественный деятель — Зинаида Николаевна Гиппиус. Ее литературная и политическая публицистика, а также критические статьи представляют большой интерес для филологов, историков, лингвистов и ученых-философов. Поскольку ее внимание сосредоточено на острых социальных вопросах, избранные для нашего анализа тексты позволяют существенно расширить представления о ценностной картине мира двух поколений русской эмиграции в соответствующий период.

Осмысление проблем гражданской ответственности, творчества и собственной роли на «полотне эпохи» неразрывно связано с проблематикой свободы в различных контекстах. Изучение данной темы представляет собой общекультурный, литературный и философский интерес.

Ключевые слова: Белая русская эмиграция, Зинаида Гиппиус, идея свободы, эмигранты первой волны.

мышления поэта-философа трансформируется под влиянием изменений в общественно-политической, а, значит, и во внутренней, духовной жизни художника?

Интересным с этой точки зрения видится анализ именно публицистических текстов, которые охватывают период с 1924 по 1938 гг., так как они наполнены оценочными суждениями различного характера, исходящими из изменяющихся взглядов автора.

Система мышления, отличавшаяся метафизичностью, сложилась у З. Гиппиус еще до эмиграции. Главным образом, она базировалась на идеях свободы и верности, «вознесенной до Бога». Можно предположить, что на их становление, прежде всего, повлияло участие З. Гиппиус в Религиозно-философском собрании (позже — Религиозно-философском обществе).

При изучении публицистических текстов данного периода невозможно не выделить ту умозрительность и метафизичность, о которой говорилось ранее. В статьях часто используются отрицательные конструкции — «не имеющие», «не живущие...» Все подобные высказывания несут оценочный характер и крайне категоричны. Однако к теме свободы автор подходит с некоторой неопределенностью, и характер высказываний на эту тему меняется с течением времени даже в публикациях на синонимичную тематику.

Позицию Гиппиус необходимо рассматривать в первую очередь в аксиологическом смысле, ведь система ценностей неразрывна связана с политическими идеями, где главной идеей является — непримиримость.

Социальные и общественные ценности З. Гиппиус воспринимает как истинные достоинства человеческой личности и гражданские добродетели. Нравственность, моральные принципы и приверженность идеям нового религиозного сознания она переносит в жизнь общественную и требует неукоснительно им следовать. Разумеется, из этого следует, что идейная позиция З. Гиппиус отличается бескомпромиссностью. Главный враг, по её мнению, «ограничитель» и объект, продуцирующий зло, — большевизм и большевик, забывший о христианских ценностях и общественной морали, и такого врага необходимо уничтожить.

Понимание свободы как философской единицы формируется у каждого автора, художника и любого деятеля искусства под действием множества обстоятельств. В случае с Зинаидой Гиппиус можно выделить несколько ключевых, на наш взгляд, факторов: образование (в т.ч. внутри семьи) и исключительный, незаурядный интеллект (как природная характеристика), принадлежность к символистам, приверженность идеям религиозного сознания (пусть и специфического, не отвечающего, по факту, догматам ни одной известной религии, хотя Гиппиус в своих работах и провозглашает его христианским) и состояние экзистенциального конфликта, характерное для представителей творческой среды Русского зарубежья, в частности.

Старшие символисты, одним из идеологов и «мэтров» которых является З. Гиппиус, стремились проложить дорогу сквозь повседневность и торжество буржуазного мещанства в предшествующем их искусстве к «запредельной сущности бытия». Символизм провозгласил свободу творческой воли и фантазии и отказался от ограничений, налагаемых на художника действительностью. *Свобода творчества*, по сути, и стала краеугольным камнем философии символистов. В это понятие включались также отрицание собственнической формы общества, своеобразный траур по свободе духа и признание

вековых культурных ценностей как единственно верных. Символисты выступили против натурализма и позитивизма в искусстве и, тем самым, воплотили в своих суждениях стремление к самовыражению «без границ» и предчувствие будущих социальных переломов.

Экзистенциальный характер всего творчества Зинаиды Гиппиус определяется характерными раздумьями о греховности человека и его одиночестве перед лицом смерти (экзистенциальном несовершенстве этого мира), душевной раздвоенности личности (в том числе между женским и мужским началом) и измученностью внутренней НЕ-свободой.

По мнению философов-экзистенциалистов, свобода провозглашается как данная любому человеческому существу основополагающая ценность. Этот постулат построен на идее первичности свободы перед самим бытием, ведь индивид, «заброшенный» в этот мир, по мнению экзистенциалистов, априори свободен. Он свободен в процессе становления и самосозидания и лишается своей свободы, лишь когда останавливается в этом процессе. С этой точки зрения, рассуждения Зинаиды Гиппиус о личностной свободе созвучны экзистенциальной точке зрения, ведь в своих текстах она призывает к «движению» в борьбе против режима и несправедливости.

В эмигрантский период новое религиозное сознание и приход к триединой церкви становится центральной темой публицистических статей Зинаиды Гиппиус. Всё это соседствует со свойственной ей рассудительностью, расчетливостью и категоричностью суждений.

Разумеется, идеологический кризис, связанный с революцией 1917-го года, не мог не отразиться на личности писательницы и не способствовать кризису внутреннему. Этот кризис сформулировал идею непримиримости. Изначально она выступила как религиозно-духовный идеал, и лишь потом — как идея политического сопротивления. Среди всех интеллектуально-литературных, политических, идейных и религиозных вопросов, идея непримиримости в итоге стала главенствующей в публицистике поэтессы. Она сопровождает размышления на тему русской интеллигенции и религиозного сознания, будущего России и идей новой, «высшей» революции, а также глобальной катастрофы, как называла З. Гиппиус Октябрьскую революцию 1917 года.

Идея непримиримости развивалась и эволюционировала в творчестве З. Гиппиус с особым энтузиазмом в 20-е гг. и, прежде всего, проявлялась в публицистических работах, где эмигрант — априори непримиримый, а свобода возможна лишь в случае полного уничтожения существующего режима «совдепии».

Так, в статье «Мертвый дух» (1926 г.) Зинаида Гиппиус развивает суждения о делении всех эмигрантов по степени непримиримости. Она утверждает, что для воцарения свободы и победы над врагом необходимо полное отрицание возможности каких-либо контактов с большевистской Россией. Она призывает к борьбе с течениями, которые пытались наладить сотрудничество с коммунистическим режимом. Прежде всего, под таких «идейных предателей» попадали представители «сменовеховства», которым не чужды, по мнению Гиппиус, «возвращенческие» настроения и «ложный патриотизм». Она критикует молодежь, которая не оставила идею возможного возвращенчества, ведь неё эти молодые люди перестали быть настоящими изгнанниками и «сыновьями России».

Здесь Зинаида Гиппиус называет свободу обиходным словом и не поддерживает свободу слова инакомыслящих представителей эмигрантской среды. По мнению Гиппиус, таким поведением эмигранты поддерживают «ложный патриотизм», ведь «той» России уже не существует, и говорить об «этой» стране как о России вообще — непростительная ошибка.

Таким образом, сторонники непримиримости во главе с Зинаидой Гиппиус (в основном, правые круги — представители наиболее «консервативной» интеллигенции) лишают свободы как возможности высказывать иную точку зрения и следовать иному курсу определенный круг эмиграции.

Наиболее ярко эти идеи отразились в деятельности «Союза непримиримых», который был создан в Париже в 1922 г. Зинаидой Гиппиус. Объединение имело характер как религиозный, так и идейно-политический.

Ключевые лозунги «Союза непримиримых» звучали в контексте безоговорочного противостояния большевистскому режиму и атеизму. Задачей членов объединения Зинаида Гиппиус видела отстаивание и внедрение в общество таких идеалов, как «истинный патриотизм», христианская любовь, свобода, братство и жертвенность во имя «великой цели» [1].

Неудивительно, что такое идейное противостояние способствовало началу новой вехи творческого самоопределения в эмиграции. При этом, признавая нереальность возврата на родину и осознавая, что «парижский угол» станет для Гиппиус местом пребывания до конца жизни, она не меняет резкий характер своих суждений, чем вызывает широкий резонанс своих критических статей и политических публикаций.

В статье «Оправдание свободы» (1924 г.) Зинаида Гиппиус говорит о вопросах общественных с точки зрения

религиозной и о том, что будущая общественная идеология будет построена лишь на религиозном сознании, и ни на чем ином. Заметим, что при этом она не разделяет понятия веры и религии. Здесь мы наблюдаем, как Зинаида Гиппиус рассуждает о свободе в свете религиозного сознания, замечая: «Иррациональное до такой степени объемлет нас, до такой степени пропитывает действия, понятия и язык человечества, что из него, по свидетельствам разума, выхода нет» [2, с. 167]. Нельзя не заметить также проблемы отношения Гиппиус к свободе выбора (как к свободе взглядов и вероисповедания). Считает ли она возможной такую свободу, дает ли ее своим оппонентам?

«Я о духе не забываю; и, мне кажется, не только формально сближаю два царства — действующее, большевицкое, и мечтаемое, бердяевское, — когда говорю, что оба они отрицают *дух* равенства-разноценности, *дух* революции... Этим, в связи с отрицанием идеи демократической, они оба отрицают *дух свободы*. Дух Господен, ибо, напоминаю Бердяеву, «где дух Господен — там свобода» [2, с. 178–179].

Характер высказываний Гиппиус метафизичен и все больше здесь приобретает характер проповеди. Она, разумеется, не отрицает свободы, но трактует ее в угоду своим убеждениям, отрицая какую-либо вариативность понимания религиозного сознания современниками. Свобода, по Гиппиус, возможна лишь в условиях Несвободы — единственно верного, по ее мнению, выбора в пользу принятия Бога и триединой церкви.

При этом стоит обратить внимание, что свобода никогда не предстает для Гиппиус абсолютом: «Да, совершенное царство Божие возможно лишь в бытие, а не в жизни, где нет совершенной свободы и совершенной любви» [2, с. 172]. При этом амбивалентность трактовки свободы подкрепляется словами «Дух свободы такой же Божий, как и дух любви» [2, с. 172].

Это означает, что свобода здесь мыслится как экзистенциальная категория, как самоощущение созидющего индивида, пришедшего в этот мир свободным. И тут же «...где Дух Господен — там свобода» [2, с. 179], значит, свобода повсюду? И, тем не менее, Гиппиус призывала «измерять» степень свободы, при этом по отношению к «врагу» возможно быть лишь непримиримым, здесь «полумер» быть не может. Проблема лишь в том, что самосовершенствование индивида возможно лишь в условиях свободного духа, а право выбора ему не предоставляется. В итоге мы имеем замкнутый круг и невозможность прийти к свободе как таковой.

Мы не исключаем и даже склоняемся к тому, что, несмотря на характер публицистических текстов, в них

у Гиппиус имеет место быть некое художественное изображение действительности. Современники нередко приписывали ей «литературность» даже там, где она не всегда оправдана. Но общий, необходимый запас трезвой наблюдательности и критического мышления, которым Зинаида Гиппиус, несомненно, обладала, ставит перед нами вопрос: могут ли при всей ответственности и долге, который возлагает на себя творческая личность, такие категории, как свобода, любовь, вера, трактоваться различным образом и в разной степени возможности принадлежности человеку?

Однако мы не преследуем цели «уличить» автора в несостоятельности его теорий или непоследовательности в высказываниях на тему, но пытаемся проследить с онтологической точки зрения вариативность суждений и определений им свободы как необходимого компонента (в понимании автора) нового, усовершенствованного мира и будущего в частности.

Отдельная категория свободы в публицистике Гиппиус — свобода и НЕ-свобода слова.

В статье «Новь» (1925 г.) она рассуждает о проблеме «отцов и детей» и условиях жизни — физических и духовных — молодежи «там» и «здесь». В то время, когда политические и гражданские права в СССР считались формальными и бессмысленными (правовой идеализм), тема несвободы поднималась многими эмигрантскими критиками и публицистами.

Зинаида Гиппиус пишет: «...здешние студенты — не учатся; ни учиться, ни говорить, ни думать им некогда: они только работают... ..живут (т.е. спят) буквально в клоаках, в ночлежных домах, и с пяти часов уже на ногах...» [2, с. 191]. «Молодежь воистину «подспудная»... ..мы знаем лишь отрывочные факты, и ни одного не подспудного, *свободного*, слова к нам не долетает (да его там и не произносится). Лишь чутье и догадка остаются у нас для «тамошней» молодежи» [2, с. 190].

Об одушевлении стремлением к реальной работе, к возможности такого будущего заграничные студенты (в частности, говорится о пражских студентах) считают, что эта работа и стремление объединяют их с советской молодежью. Гиппиус рассказывает о том, как пражские студенты в подтверждение своих гипотез приводят письмо одной курсистки: «Письмо убедительное; но кончается оно коротенькой фразой, маленьким дополнением — потрясающе значительным: «... только бы хоть немножко свободы...». Ужаса и реализма этих слов не увидели «здешние»... ..и отвечают они на робкие слова — «хоть немножко бы свободы» — поверх этих слов: «надо работать (строить мосты) *вопреки* невозможности, несмотря на невозможность»...» [2, с. 198].

Тотальную несвободу слова Гиппиус отождествляет с несвободой личности, не связывая ее при этом с напрямую с религиозным сознанием, хотя подспудно его отсутствие, по Гиппиус, у «людей советов» уже определяет их в обособленную категорию людей безнравственных, не созидających, а, значит, не свободных.

В это время Зинаида Гиппиус наряду с многими старшими эмигрантами, уже осознает свою судьбу «невозвращенцев», и некоторым образом сочувственно смягчается в сторону молодежи, «...которая откровенно идет дальше, к идее России прибавляет идею о *новой* России, а близкую действительно воспринимает более реалистично. Она тоже хочет мостов, но знает, что начнет эту работу лишь тогда, когда на месте постройки будет... «немножко свободы». [2, с. 200]

Тема свободы оставалась ключевой для Гиппиус на протяжении всех 22-х лет собраний «Зеленой лампы», заседания которой закончились лишь с началом Второй мировой войны в 1939 году.

В 1927 году в своем докладе «Русская литература в изгнании» Зинаида Гиппиус с сожалением говорила: «Некогда хозяин земли русской, Петр посылал молодых недорослей в Европу — на людей посмотреть, поучиться «наукам». А что, если и нас какой-то хозяин послал туда же, тоже поучиться — между прочим и науке мало знакомой — Свободе? И недоросли плакались. И недорослям путь назад был заказан, пока своего не исполнят. Мы тут стонем с утра до вечера: Россия, Россия,— к ней тянемся да еще гордимся — мы стоим лицом к России. А что, если отдавая все время на это стояние, мы так осуждены стоять и никакой России не получим?» [3]

В статье «Опыт свободы» (1938 г.), которая вышла спустя много лет, в 1938 году в сборнике «Литературный смотр», Зинаида Гиппиус снова подробно рассматривает тему свободы слова среди эмигрантов и в прежней, «той» России, а также говорит о значении свободы в контексте истории.

«Пусть не говорят мне, что в России, мол, никогда не было свободы слова, а какой высоты достигла наша литература! Нужно ли в сотый раз повторять, что дело не в абсолютной свободе (абсолюта вообще и нигде не может быть, ибо все относительно); мы говорим о той мере свободы, при которой возможна постоянная борьба за ее расширение... ..атмосфера свободы дается лишь тому или тем, кто сам свою свободу,— свою собственную — умеет ограничивать; и сам за это и за себя отвечает» [4]

Будучи в пограничной ситуации как в смысле физическом (изгнанники-«невозвращенцы»), а, в случае с Гиппиус,

ещё и культурно-физиологическом (сопоставление мужского и женского начал в бытии и личности), так и в смысле внутреннем — человеку, живущему на стыке веков, ставшему свидетелем и участником идеологического кризиса и, вследствие этого, оказавшемуся в состоянии экзистенциального конфликта; при этом имеющему столь исключительный ум и богатый внутренний мир, невозможно примириться с исторической несправедливостью. (Пусть ее и нельзя объективно оценить, ведь любые мнения по поводу исторических событий найдут оппонентов и останутся лишь гипотезами). Такому человеку не просто логично, но и необходимо рассматривать вопросы свободы с различных точек зрения и иметь возможность трансформировать своё видение вследствие изменяющегося политического, общественного строя, а также культурных событий и в соответствии со своими религиозными установками.

Проблема свободы с точки зрения возможности выбора, то есть свободы этого выбора, в известной мере для Зинаиды Гиппиус характеризуется её вошедшим в историю, диалогом с мужем — Д. Мережковским:

« — Зина, что тебе дороже: Россия без свободы или свобода без России? »

*Она думала минуту.
— Свобода без России, — отвечала она, — и поэтому я здесь, а не там.*

— Я тоже здесь, а не там, потому что Россия без свободы для меня невозможна. Но... — и она задумывался, ни на кого не глядя, — на что мне собственно нужна свобода, если нет России. Что мне без России делать с этой свободой?» [5]

То есть выбор всё-таки был и, теоретически, он означал и свободу. Но такая свобода З.Н. Гиппиус была не нужна, ведь выбор чего-либо, даже России, без свободы — для нее был невозможен. И литературное кредо Зинаиды Гиппиус «Я ничего не боюсь!» не выдерживает того факта, что страх, что «Россия без свободы» такой и останется, сквозит буквально в каждой ее статье, в мемуарах, дневниках.

Испытание веры и патриотизма свободой выбора стало для эмигрантов тем самым мерилем их внутренней свободы, о которой говорила в своих статьях Зинаида Гиппиус. И такое мерило в полной мере отражает экзистенциальный характер не только ее прозы, но и ее литературной и политической публицистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. З.Н. Гиппиус, О «Союзе Непримиримости», [в:] Т. Пахмусс, Из архивов Зинаиды Николаевны Гиппиус. Ранние годы эмиграции, «Записки Русской академической группы в США». 1990, т. 23, с. 218; А. А. Алексеева, З. Н. Гиппиус, [в:] Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940), т. 4, А-Л, ИНИОН РАН Москва 2011, с. 188.
2. Гиппиус З. Н. Собрание сочинений. Т. 12. Там и здесь: Литературная и политическая публицистика 1920–1927 гг. Сост., подг. текста А. Н. Николюкина и Т. Ф. Прокопова. Комментарий А. Н. Николюкина / Институт научной информации по общественным наукам РАН. М.: Изд-во «Дмитрий Сечин», 2011. — 528 с.
3. Юрий Терапиано. Литературная жизнь русского Пардиза за полвека (1924–1974). Эссе, воспоминания, статьи. Издательства Альбатрос — Третья волна, Париж — Нью — Йорк, 1987–352 стр. С. 69.
4. Литературный смотр: Свободный сборник / Ред. З. Гиппиус и Д. Мережковский. Париж, 1939. С. 9–10.
5. Русское зарубежье. Великие соотечественники. 100 судеб русской эмиграции в XX веке. Издательство Яуза-Каталог, 2018 г. 664 стр. Стр. 347.

© Костенко Диана Евгеньевна (gurmandiza@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»